

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Реплики

1. Литературная традиция и исторические факты

В статье «Повесть XIII века об Александре Невском»¹ Н. В. Водовозов возражает В. Л. Комаровичу,² усмотревшему в житии Александра Невского литературные реминисценции — «Александрии», Троянской притчи, повести о Девгении и Истории Иудейской войны Иосифа Флавия. Переиначив точку зрения В. Л. Комаровича и приписав ему взгляд на житие Александра Невского как на «простую компиляцию» (стр. 37), Н. В. Водовозов пишет: «Следовательно, по мнению В. Комаровича, автор „Повести“ (т. е. «Жития Александра Невского», — Д. Л.) не просто описывал события так, как они происходили в действительности, но искал сходные случаи в литературных памятниках (переводных) других народов и готовые формулы переносил в свое произведение» (стр. 37). Далее Н. В. Водовозов утверждает: «Неподдельная искренность чувств, которыми пронизана вся „Повесть“, свидетельствует о том, что автор его не заимствовал готовых выражений ни из Александрии, ни из Девгениева деяния, ни из Иосифа Флавия, но как истинный патриот и сын своего народа кровью своего сердца описывал и горестные и славные события русской жизни тех лет. Если Александр Ярославич поразил копьем в лицо Биргера в Невской битве, то об этом знали все современники, и Девгениево деяние тут не при чем. Если шесть русских героев прославили свои имена воинскими подвигами в той же битве, то при чем здесь библейская история или повесть Иосифа Флавия? Ведь имена „храбрых“ в „Повести“ не вымышлены» (стр. 38).

Не надо быть литературоведом, чтобы знать, что нельзя «просто описать события» да еще в художественном произведении, не придерживаясь определенного художественного метода, и что литературная традиция в той или иной мере свойственна всем литературным произведениям, а отчасти и нелитературным. Ведь некоторые из выражений самого Н. В. Водовозова в его статье («кровью своего сердца описывал» и др.) также принадлежат определенной литературной традиции. Как можно доказывать, что литературное произведение стоит вне литературной традиции тем, что оно описывает действительно имевшие место факты, что и Сбыслав Якунович, и Гаврило Олексич — реальные лица, а последний не только существовал, но был даже «прямым предком» А. С. Пушкина.

Нельзя с помощью реально-исторического комментария к литературному произведению снимать литературность произведения, как и нельзя

¹ Учение записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. LXVII. Кафедра русской литературы, в. 6. М., 1957.

² Повесть об Александре Невском. — История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945.

писать просто чернилами «своего сердца» вне всякой традиции: искренность не отменяет литературного искусства и художественного метода. С другой стороны, надо сказать и обратное в адрес тех, кто, отрицая строгую историчность тех или иных эпизодов какого-либо произведения (например, «Слова о полку Игореве»), пытается доказать их литературность: не к чему уничтожать историчность произведения, чтобы доказать его художественную природу. Действительность чрезвычайно многообразна, фактов много, а художественное обобщение отбирает эти факты в духе своего художественного метода и в духе своей литературной традиции.

Литературная традиция и исторические факты не находятся в контрадикции.

2. О методике атрибуции древнерусских литературных произведений

В той же статье «Повесть XIII века об Александре Невском» Н. В. Водовозов приходит к следующему выводу: «Слово о гибели Русской Земли», «Повесть об Александре Невском» (т. е., вернее, житие, — Д. Л.) и «Моление» Даниила Заточника написаны одним автором. Главный аргумент Н. В. Водовозова, которому подчинены остальные, следующий: «Мог ли молчать Даниил, когда Русская земля лишилась такого великого сына, как Александр Невский? Если Даниил был жив (а это, судя по его возрасту, вполне вероятно, так как в год смерти Александра ему было бы лет 65 или только немногим более), то кто же, как не он, взялся бы за благодарную задачу рассказать о жизни и подвигах такого человека, который не только соответствовал его идеалу главы государства, но и лично для него был „добрым“, идеальным господином?» (стр. 44).³ Если идти дальше этим методом, то можно легко свести все многообразие русских писателей к двум-трем в каждом поколении. «Кто же, как не он» — этот риторический вопрос особенно коварен в отношении тех эпох, в которых нет полного списочного состава писателей. К сожалению, стремление подыскать каждому произведению вполне определенного автора появляется чаще, чем находятся к тому реальные основания. Особенно часто подыскивают определенные имена для автора «Слова о полку Игореве». Но еще хуже, когда литературоведы объединяют нескольких авторов. Это объединение нескольких авторов есть обеднение литературы, оно зиждется на представлении, что писателей было мало и писать было некому («кто же, как не он!»).

³ Дополнительные («подчиненные») аргументы таковы: «Даниил мог принимать участие в княжеском совете» (стр. 41) князя Ярослава, он мог быть тем самым советником, который советовал Юрию и Ярославу «творить мир» накануне Липицкой битвы (стр. 42), этот «осторожный совет мог быть воспринят как доказательство трусости советника» (стр. 42), «легко допустить, что советник, предостерегавший князя от битвы, поплатился за свою осторожность» (стр. 42), затем он «мог находиться вместе с ним (с Ярославом. — Д. Л.) в Новгороде и мог быть „самовидцем возраста“ его сына — Александра» (стр. 42), после смерти Ярослава он «должен был стать слугой Александра Ярославича Невского, от которого лично мог слышать подробные рассказы о Невской битве 1240 года и о „Ледовом побоище“ 1242 года. Этим, кстати, легко бы объяснялось то странное (? — Д. Л.) обстоятельство, что автор „Повести“, близкий к Александру Невскому человек, не участвовал ни в одном из этих важнейших сражений» (стр. 42—43). Далее идет новая цепь «легких» объяснений и предположений: Александр Невский «хорошо (! — Д. Л.) знал „Моление“ Даниила» (стр. 44) и Александр Невский «много извлек для себя практически ценного из этого „Моления“». Ведь Александр Невский с его выдающимся умом не мог не понимать, что именно такой правитель нужен был Русской Земле» (стр. 44). Итак, «мог», «мог», «мог», «мог», а под конец «не мог не...».

3. Текстологические выводы без текстологических доказательств

В статье «Повесть о битве на реке Калке»⁴ Н. В. Водовозов пришел к выводу, что тот вариант летописной «Повести о битве на реке Калке», который включает в себе Тверская летопись XVI в., первоначальный, полный и восходит непосредственно к рукописи XIII в., а летописные рассказы о Калкской битве Лаврентьевской летописи XIV в. и Новгородской первой XIII в. — поздние «сокращенные выдержки» (стр. 13) этого полного текста. Рассказ же Ипатьевской летописи XV в. — «незначительная переработка» того же полного текста (стр. 14). Этот весьма ответственный вывод сделан на основе общих рассуждений, занимающих лишь семь страниц печатного текста. При этом Н. В. Водовозов игнорирует общую историю тех летописных текстов, которые включали в свой состав эти повести, как будто бы повести о битве на Калке жили своей обособленной от летописания жизнью, не дает подробного текстологического сличения текста повестей и даже не привлекает всех вариантов повестей о битве на Калке, как если бы повести эти встречались только в нескольких перечисленных им летописях. Вместе с тем и известия этих повестей о богатыре Александре Поповиче, признаваемые Н. В. Водовозовым за безусловно исторические, рассматриваются им вне связи с другими летописными известиями в Никоновской летописи, в Степенной книге и др., где Александр Попович выступает то при Владимире I Святославиче (X—XI в.), то при Владимире Мономахе (XII в.), то в начале XIII в.

Даже если бы повести о Калкской битве находились только в перечисленных четырех летописях и не имели бы никакой связи с остальными летописными текстами, то и в этом случае текстологические выводы Н. В. Водовозова не отличались бы доказательностью. Н. В. Водовозов не только не выделяет необходимого в таких случаях сличения текстов, но и принимает за повесть о битве на Калке текст, который этой повестью отнюдь не является. Так, Н. В. Водовозов называет повестью о битве на Калке (стр. 17) найденный мною в Хронографе Публичной библиотеки (F.XVII.17) рассказ об Александре Поповиче, где о повести о Калкском побоище говорится прямо как об отдельном, другом произведении.⁵

Оставлено Н. В. Водовозовым без доказательств утверждение, что вариант Повести в Тверской летописи является «в идейном и художественном отношении целостным, единым, органическим литературным произведением» (стр. 16), а остальные варианты не целостны, не едины, не органичны.

Оставлено без доказательств утверждение, что этот «полный» вариант Тверской летописи возник точно в 20-е годы XIII в.⁶

Оставлено без доказательств утверждение, что домосковские летописи не включали в себя объединительных идей и не осуждали князей, а потому якобы Повесть о битве на Калке не могла быть внесена в летопись XIII в.⁷ (стр. 16—17).

⁴ Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемина, т. LXVII. Кафедра русской литературы, в. 6. М., 1957.

⁵ ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 34: «яко же писано есть в Калкском побоище».

⁶ Если даже считать, что «полный вариант» Повести о Калкской битве, читающийся сейчас в Тверской летописи, принадлежит очевидцу Калкской битвы 1224 г., то почему этот очевидец должен был писать точно в 20-е годы, а не мог писать в 30-е, 40-е, 50-е годы или даже позднее?

⁷ Между тем дело обстоит как раз наоборот: летописи XII—XIII вв. очень часто содержат призывы к единению и осуждения князей (нет нужды в ТОДРА приводить

Оставлено без доказательств и утверждение, что перед «автором»⁸ Тверской летописи 1534 г. была рукопись XIII в. повести о Калкской битве (подчеркиваю: Н. В. Водовозов пишет именно о рукописи XIII в., а не о произведении XIII в. в одной из поздних рукописей).

А. А. Шахматов неоднократно указывал, что нельзя анализировать летописные повествования, рассказы, сказания, отдельные известия, выхватывая их из летописей, не считаясь с их сложным составом, но в данном случае приходится вообще сказать, что нельзя делать текстологические выводы без внимательного текстологического анализа, тем более когда речь идет о таком сложнейшем предмете исследования, как повесть о Калкской битве.

примеры), тогда как московские летописи XVI в. стремятся освободить предков московских государей от всех возможных упреков и заменяют призывы к единению утверждением прав на господство в Русской земле только московских великих князей.

⁸ Н. В. Водовозов приписывает мне нелепую мысль, что один и тот же летописец («автор» Тверской летописи) излагал предания XIII в., затем предания конца XIV—начала XV в. При этом Н. В. Водовозов поучительно замечает: «Но ведь специфика развития устного народного эпоса в том и заключается, что старые предания в нем со временем переосмысляются и под влиянием меняющихся исторических условий становятся другими» (стр. 18). Вот этого-то сам Н. В. Водовозов и не заметил в летописи, полагая, очевидно, что у Тверской летописи был единый, как он выражается, «автор», написавший ее от начала и до конца. Между тем составители летописных сводов не были их «авторами»: они соединяли разновременные и, главное, разнородные письменные источники, отражали и разновременные пласты эпоса.